канского полуострова на территорию Карпат Я. Подолак считает долговременным процессом, в котором принимало участие несколько этнических групп Юго-Восточной Европы. Этнографические исследования в Словакии подтверждают, что на крайнем востоке словацкой территории заселение в местах действия так называемого валашского права носило преимущественно украинский этнический характер. Дальше на запад преобладало местное словацкое население. В заключение Я. Подолак делает вывод, что пастбищное содержание животных в Словакии и связанная с ним культура образуют один из компонентов словацкой народной культуры.

Монография Я. Подолака «Традиционное овцеводство в Словакии» представляет собой фундаментальный вклад в изучение сложных этнокультурных процессов в странах Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы. Богатейший материал книги удачно проиллюстрирован оригинальными фотодокументами. Обстоятельный анализ приводит автора к обобщениям, значение которых выходит далеко за рамки Словакии.

В. Фролец

Г. Георгиев. Българските партизани. Историко-етнографски очерк. София: Партиздат, 1984, 223 с.

Рецензируемая книга — оригинальное этнографическое исследование, посвященное быту и культуре партизан периода антифашистской борьбы болгарского народа 1941—1944 гг. В этой работе раскрыты самые разные стороны повседневной жизни партизан: от проблем питания, жилищных условий, установленного командованием распорядка дня, идеологической работы до любительских занятий партизан, форм межличностного общения, их социальной психологии. Этот разнообразный материал рассматривается сквозь призму социальных и культурных традиций болгарского народа. Тема разработана в этносоциальном, этнокультурном и этнопсихологическом аспектах, чем она и привлекательна для этнографов.

Автор книги — известный ученый НРБ, исследователь болгарского революционного движения и этнограф. Анализируя народную культуру, Г. Георгиев здесь, как и в прежних своих работах [1], придает одинаково важное значение культурному наследию сельского и городского населения, в том числе традициям пролетарской культуры, став в разработке последней темы новатором в болгарской этнографии. Партизанская культура, как показывает автор, во многих отношениях явилась преемницей пролетарской, восприняв и развив некоторые традиции культуры эпохи национально-освободительного движения в Болгарии.

Партизанские подразделения, представлявшие сплоченные коллективы и вне военных действий, автор справедливо называет «специфическими социальными организациями» (с. 128, 130), «общественно-политическими организациями», в рамках которых складывалась своеобразная культура (с. 6, прим.). Ее этническую окраску предопределил национальный состав участников партизанского движения Болгарии — преимущественно болгарский. Социально-классовый состав партизан, преобладание среди них выходцев из пролетарских слоев способствовали быстрому и смелому преодолению тех традиционных обычаев, навыков и представлений, которые не отвечали образу жизни партизан, их идеологии и жизненным идеалам. Духовная сторона партизанской культуры, ее направленность на преобразование старых традиций оказали впоследствии определенное влияние на формирование социалистической культуры болгарского народа.

Основную особенность культурно-бытовых процессов, протекающих в партизанской среде, Г. Георгиев видит в их прямой подчиненности процессам социальным, обусловленным целями антифашистской борьбы (с. 9, 208 и др.). Автор не понимает это упрощенно. Речь идет в сущности о быстрой адаптации привычных культурно-бытовых норм мирной жизни к новым, притом необычным и трудным условиям существования (с. 9), принимаемым партизанами добровольно в качестве суровой необходимости. Новый культурно-бытовой уклад создавался не только волей командования и вышестоящих директивных органов, но и всем партизанским коллективом. Здесь проявлялись не только общие, но и личные интересы и склонности, раскрывались как социальная психология, так и психология личности. Следовательно, эта сфера образа жизни была в такой же мере управляемой, как и самоуправляемой, что хорошо показано, кстати, во всех разделах книги на конкретном материале и в ремарках автора. Хотелось бы именно в таком смысле понимать сформулированное в заключении определение этого явления: «руководимый и управляемый, а не ... стихийный процесс» (с. 208, 209).

Представление об управляемости процесса формирования и развития быта и культуры болгарских партизан, по-видимому, легло в основу определения Г. Георгиевым объекта его исследования как «потестарного быта и культуры», что означает, как поясняется в примечании, «быт и культуру общественно-политической организации». Этот сюжет он считает «нераздельной частью» предметной области этнографии (с. 6, там же — прим.). Как видим, термин «потестарный» употребляется автором в смысле, который можно было бы иначе выразить как «направляемый властью», точнее — «раз-

[1] См., например: *Георгиев Г.* Освобождението и етнокултурно развитие на българския народ. 1878—1900. София, 1979; *его же.* София и софиянци. София, 1981, и др.

вивающийся в направлении, определяемом руководством данной общественно-политической организации», т. е. в него вложено несколько иное содержание, чем это принято в советской этнографической науке, где под потестарно-политической этнографией подразумевается субдисциплина, изучающая отношения власти и властвования (преимущественно в докапиталистических обществах) и соответствующие им социальные институты[2]. У Г. Георгиева власть выступает прежде всего в качестве влияющего фактора, хотя и ей как таковой уделено внимание в рамках широкого круга вопросов, касающихся соционормативной культуры и связанных с нею особенностей социальной и этнической психологии.

Перейдем к конкретному содержанию рецензируемой работы. Книга состоит из предисловия, трех глав и заключения. Главы расчленяются на разделы. В предисловии подчеркнуто, что автор поставил перед собой задачу всестороннего и целостного исследования данной, еще мало изученной темы, привлекая широкий круг источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Работа написана на основе разнообразных документов, хранящихся в архивах Болгарии, воспоминаний и информаций участников партизанского движения — опубликованных и рукописных. Использована и имеющаяся научная литература по данному вопросу[3]. В предисловии было бы желательно, как думается, осведомить читателя о социально-классовом и партийном составе партизан. В ходе изложения говорится лишь о преобладании среди них выходцев из пролетарских слоев без указания цифровых данных, не сообщается и о соотношении в этой группе городских и сельских пролетариев, что немаловажно для представления о фонде унаследованных ими культурно-бытовых традиций. Следовало бы указать и долю присутствия среди партизан представителей трудовой интеллигенции, выступавших, как правило, носителями прогрессивной культуры, а также крестьян-середняков, так как Болгария до социализма была преимущественно мелкокрестьянской страной.

В первой главе, посвященной культуре жизнеобеспечения, автор не ограничивается описанием состава и внешних признаков той или иной культурной формы, но останавливается также на способах их потребления и связанных с ними ценностных установках — традиционных и новых. Такое разностороннее исследование культуры характерно и для других глав книги.

В процессе приспособления партизан к необычным жизненным условиям возрождались некоторые формы традиционно-бытовой культуры прошлого, что представляет особый интерес для этнографии. В разделе, посвященном проблемам питания партизан, рассказывается, например, о месте в их пищевом рационе диких растений — как известных в народе, так и открытых партизанами в условиях голода; о включении в меню необычных для болгарской кухни продуктов животного происхождения: о традиционных и изобретенных партизанами способах хранения и консервирования пищевых продуктов, о возрождении забытых и создании новых рецептур приготовления пищи. Наряду с этим автор останавливается на социальной стороне питания — традиционном и новом отношении к половому разделению труда в этой сфере быта, на обычаях распределения пищи и режиме питания.

Много старинных приемов крестьянского строительства прослеживается в устройстве партизанского жилища. Инновацией были здесь общественные помещения, использовавшиеся для политической учебы и собраний, в часы отдыха и любительских занятий. Выделялось место и для библиотеки.

Мы узнаем далее о процессе смешения и взаимопроникновения форм и деталей одежды, свойственных разным социальным и локально-региональным группам, о нарушении традиции резкого разграничения мужского и женского костюма и причесок. Особый интерес вызывают сведения о знаковой функции одежды. Ее подчеркнутая аккуратность служила выражением достоинства, гордости партизанской миссией. В бой было принято идти подтянутыми, чисто выбритыми по давней традиции, известной еще со времен гайдукских движений. Такими же старались предстать партизаны перед местным населением.

Оружие — необходимый атрибут повседневной жизни партизан. Оно имело и знаковую функцию: целуя его, приносили партизанскую клятву по традиции, идущей со времен национально-освободительной борьбы. Автор отмечает особое отношение партизан к попадавшему к ним оружию советского производства, которое имело в их глазах не только практическое, но и символическое значение живой связи с СССР, веры в помощь советских братьев.

Читатель найдет в первой главе также любопытный материал по народной метеорологии, о сочетании медицинских знаний с народными средствами лечения и хирургии (с. 100—109).

Вторая глава, названная «Партизанский коллектив», посвящена соционормативной культуре (СНК) партизан, в связи с чем затрагиваются некоторые аспекты социальной (в узком смысле) и этнической психологии. Автор утверждает, что партизанская СНК имела два основных источника: формы социальной регуляции, характерные

---

[2] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 15—16, 35; *Куббель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1983, с. 243—248 и др.; *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей.— Там же, с. 14—15.

[3] См., например: *Вранска Ц., Георгиева-Стойкова С.* Принос към изучаването на партизанския бит и фолклор (по материали от Плевенско и Ловешко). София, 1954; *Коев И.* Бит на партизанския отряд «А. Иванов» и песенното творчество за антониваловци. София, 1962.

для болгарского пролетариата и для его авангарда — коммунистической партии, и народную (преимущественно крестьянскую) нормативную культуру (с. 110).

Прослеживая адаптацию новичков к условиям партизанской жизни, Г. Георгиев вскрывает устойчивые социально-психологические стереотипы, не столь отчетливо, может быть, проявляющиеся в обыденной жизни. Одни из них помогали, другие же тормозили переход к иной нормативной системе. К первым можно отнести традиции равенства, коллективизма и взаимопомощи. Они способствовали органичному включению индивида в новый коллектив, восприятию им военной дисциплины, оборачивались поддержкой в бою, товариществом в повседневной жизни, духовном общении. Как пример вторых можно привести «земляческий патриотизм», который иногда задерживал передислокацию подразделений. В то же время земляческие связи служили важной психологической опорой для индивида в трудных ситуациях (с. 138).

Партизанский коллектив и после объединения отрядов в составе Народно-освободительной повстанческой армии (1943 г.) не утратил своей социорегулятивной функции, которая осуществлялась через общие собрания, авторитет общественного мнения и вследствие подхода к оценке поступков командира и бойца на основе одинаковых критериев (с. 133—139).

Устойчивые формы поведения и сознания партизан, очевидно, следует отнести к фонду болгарской этнической культуры. За короткий промежуток времени в партизанской среде создался сплав разнородных этносоциальных традиций в области СНК — как синхронно существующих в народе, так и унаследованных от прошлого. В экстремальных условиях все они трансформировались, развивались дальше, иные же временно прекращали действовать, сохраняясь лишь в сознании их носителей. В качестве примера приведем одно из ярких явлений традиционного болгарского быта, исключительно устойчивого в новых условиях,— семейно-родственные связи и соответствующие им морально-нравственные установки, на которых Г. Георгиев справедливо акцентирует внимание. Прекращение общения с семьей и близкими воспринималось как необходимость, но оставалось «незаживающей раной» (с. 122—123). В партизаны уходили тайно, нарушая тем самым правило морали и этикета советоваться с близкими в выборе жизненного пути, прощаться с ними. Отсюда — распространенное среди партизан стремление тем или иным способом, явно или намеком оповестить родных о повороте в их жизни и задним числом попрощаться. Бойцов партизанских отрядов не покидало чувство долга и ответственности перед семьей. Они испытывали острую нужду в получении вестей из дома, что создавало немалое психологическое напряжение. Выражением семейной сплоченности были и случаи ухода в партизаны обоих супругов, иногда — целых семей (с. 119—123).

Богатый материал этносоциального характера представлен при характеристике межличностных отношений. Традиции и инновации уживались и здесь, причем относительный вес тех и других варьировал в зависимости от социального состава отрядов. Это хорошо проявлялось, например, при обособлении неформальных микрогрупп. В отрядах с составом преимущественно деревенского происхождения малые группы дифференцировались больше по половозрастной и земляческой принадлежности; в тех же, где было много выходцев из городов, особенно крупных, люди сближались чаще по личной склонности и духовным интересам. Особый вид межличностных отношений — любовные — вызывал разную оценку. Отрицательная — как аскетическая традиция эпохи национально-освободительной борьбы, отчасти воспринятая и участниками позднейших революционных движений, находила больше приверженцев среди выходцев из крестьян; положительная — была более присуща носителям городской культуры или людям, испытавшим ее заметное влияние (с. 140—143).

В регулировании межличностных отношений партизан решающую роль играли коллектив, общественное мнение, к которому прислушивались и командиры, вмешивавшиеся в эту сферу редко и обычно в конфликтных ситуациях психологической несовместимости.

Г. Георгиев останавливается также на некоторых специфических социорегулятивных системах. Одна из них — партизанская ономастика. При вступлении в отряд человеку присваивалось новое имя. Обычно это были болгарские имена, имена и фамилии исторических деятелей Болгарии, героев болгарской литературы. Избирались также имена, связанные с историей и культурой советского народа: героев и полководцев гражданской и Великой Отечественной войн, литературных героев, действующих лиц кинофильмов, а также типично русские имена. В обоих случаях выбор падал на имена людей, проявивших в жизни или в произведениях искусства героические качества и идейно близких партизанам. Соблюдался болгарский народный обычай «обновления имени»: новичку нередко присваивалось подпольное имя погибшего партизана. К сожалению, не описан обряд наречения новым именем.

Далее рассматривается неписаное право партизан — плод коллективного творчества. Г. Георгиев делает ряд тонких наблюдений и выводов в этой мало изученной области. Источниками неписаного права партизан послужили в первую очередь правовые взгляды и нормы, оформившиеся в быту пролетарских слоев города и в революционной среде; обычное право, до известной степени сохранявшееся в народном сознании; некоторые элементы, заимствованные из официально действующей юридической системы. В новой системе все это наследие подверглось существенным изменениям применительно к военно-революционной организации партизан, целям и условиям их борьбы (с. 150—151). Сравнивая неписаное право партизан с народным обычным правом, автор верно подмечает их разностадиальное происхождение, соответствие разным социальным условиям и находит сходство лишь в ценностных установках и некоторых особенностях народного мировоззрения, в которых он усматривает этниче-

ское, иногда этнорегиональное своеобразие (с. 151—153). Влияние обычного права на неписаное право партизан проявлялось более всего в их взаимоотношениях с внешней (мы бы добавили, судя по материалу, и с дружеской) средой. Население нередко привлекалось к участию в судах над политическими преступниками и «в десятках случаев» оказывало влияние на их решения в духе народных юридических обычаев, обыкновенно в сторону смягчения приговора. Интересно, что народ прибегал к помощи партизан для противодействия уголовным преступлениям, а иногда и для устранения бытовых неурядиц. В последний период партизанского движения (1943—1944 гг.) некоторые отряды в отдельных районах страны фактически исполняли функции местной власти, опираясь на широкую поддержку населения (с. 152—155).

Г. Георгиев подразделяет неписаное право партизан на две подсистемы. Одна касается взаимоотношений внутри партизанского коллектива, а также с помощниками (*ятаками*) и другими местными жителями. Другая относится к взаимоотношениям отрядов, выступающих как целое, с вражескими социальными группировками и отдельными лицами, а также с эксплуататорскими элементами общества; сюда же отнесено «регулирование вопросов общебытового характера» (с. 153—154), что, как кажется, более относится к первой подсистеме. Несколько спорной представляется оценка второй подсистемы как «более развитой», в то время как в первой отмечается бóльшая градация мер наказания, да и содержание регулируемых жизненных вопросов достаточно разнообразно. Быть может, такое впечатление не сложилось бы, если бы автор аргументировал критерии своей классификации.

Здесь же Г. Георгиев рассматривает как часть народной СНК родственные отношения, которые в отличие от обыденной жизни в партизанском быту подчинялись «целям и интересам революционной борьбы» (с. 158). Родство понималось партизанами «не как основание для привилегий, а, напротив, как социальный механизм, способствующий бóльшей взыскательности...» (с. 159), так как честь или позор партизана ложились, по народной традиции, и на его родственников.

В третьей главе рассматриваются разные формы духовной культуры и духовного общения партизан. В отличие от положения в традиционном и современном быту болгар духовная культура партизан, по мнению автора, непосредственно и без особых промежуточных звеньев была связана с социальной структурой и социальными задачами. В ней сильнее, чем в рассмотренных выше разделах культуры, выражена связь с культурой революционного болгарского пролетариата (с. 160—161). Действительно, как показывает материал, наследие традиционной крестьянской культуры здесь минимальное, и это объясняется, по-видимому, тем, что ее идейная основа во многих отношениях дисгармонировала с идеологией партизан.

Центральное место в духовной жизни бойцов Сопротивления занимала идеологическая и политико-просветительная работа, формы которой подробно описываются (с. 163—165). Автор умело показывает связь идеологии партизан с традициями революционного прошлого. Для этого используются сведения о наименованиях партизанских подразделений в честь героев национально-освободительной борьбы и революционного движения Болгарии, об отношении к этим героям, а также материал, касающийся революционной символики (с. 167—168). Анализ книжного фонда партизанских библиотек раскрывает до некоторой степени культурный уровень участников движения Сопротивления.

Праздничная система партизан развивалась на основе праздников, отмечаемых болгарским пролетариатом. Она оказала влияние на формирование современной праздничной системы НРБ. В ее составе международные (1 мая, 7 ноября), некоторые советские праздники (День Красной Армии), памятные дни, посвященные болгарскому национально-освободительному и революционному движениям, а также славянской письменности и болгарской культуре (День Кирилла и Мефодия 24 мая). Из традиционных праздников повсеместно отмечались Новый год и 1 марта — день наступающей весны и здоровья, включавший у партизан и юмористические элементы. Другие праздники отпали как функционально неоднозначные с партизанскими. Скромно, без традиционной обрядности, отмечались свадьбы. Похоронный ритуал носил атеистический характер.

В разделе о досуге партизан особое место уделяется песням, их жанровой характеристике. Многие из них были продуктом анонимного творчества или, теряя авторство, превращались в таковые в разнообразных вариантах. Эти, а также широко распространенные среди болгарских партизан советские песни почти вытеснили из репертуара другие песни социального жанра (с. 197). Следует отметить, что партизанский песенный фольклор хорошо изучен в Болгарии[4].

Третья глава заканчивается характеристикой любительского творчества партизан, в котором на первом месте стояла литература.

В заключение автор подчеркивает решающую роль в формировании культуры партизан социального, а не этнокультурного фактора, ее зависимость, в частности, от поэтапной эволюции партизанской организации. Он признает, что изменения наступали не тотчас вслед за социальными и неодновременно во всех формах культуры и быта (с. 206—207).

Основные выводы Г. Георгиева представляются убедительными. Однако думается, он несколько недооценивает значение крестьянской культуры, роль которой в этническом слое культуры болгарского народа, как известно, велика. Она наложила отпечаток на культуру всех социальных слоев, в том числе и на пролетарскую. Болгарский

[4] См., например: *Живков Т. И.* Български антифашистски песенен фолклор. София, 1970, а также упомянутые выше работы.

пролетариат был сравнительно молодым классом, многие его представители сохраняли родственные и земляческие контакты с сельскими жителями. Крестьяне и в конце буржуазного периода истории Болгарии составляли 80% ее населения. Они были активными участниками революционных движений XX в., и трудно предположить (хотя вопрос этот специально почти не исследовался), что в этой социальной среде происходило одностороннее, а не взаимное влияние пролетарской и крестьянской культур.

Представляется, что некоторые подмеченные автором особенности развития культуры в партизанской среде можно типологически сопоставить с другими примерами культурного развития в экстремальных условиях, например при переселениях, сопровождающихся материальными трудностями и отрывом от привычной социокультурной среды. Рецензируемая работа вызовет, думается, интерес не только в Болгарии и Советском Союзе, связанных совместной антифашистской борьбой и многими культурными контактами, но и во многих других странах.

Л. В. Маркова